

Анатолий КРУГЛЯКОВ

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Рассказ

Университетский парк сильно разросся. Длинные асфальтированные дорожки пересекали его вдоль и поперек. Скамейки, расставленные через каждые сорок метров, были пусты. Ветерок заметал опавшие сухие листья: несколько ночей подряд были заморозки. Стояла золотая осень.

Иван Шереметьев шел по аллее, наслаждаясь тишиной и утренней свежестью. Он присел на скамейку, и вдруг далекие, сладостные воспоминания нахлынули на него. Они, студенты-первокурсники, закладывали этот парк, высаживали деревья и кустарники. Бог ты мой, как давно это было: годы учебы, аспирантура, и вот он – преподаватель истории средних веков в университете. Он посмотрел на часы: скоро начнутся его лекции. Три пары сегодня, и ему просто необходимо получить заряд бодрости.

По аллее прямо к нему шел маленький человечек. Он размахивал тростью, сшибал с кустарников пожухлые листья. Шереметьев узнал в нем однокурсника Алексея Батурина, тоже преподавателя университета и, как он считал, человека неординарного. Батурин с первого курса увлекался хиромантией, черной магией, полтергейстом и вообще всякой чертовщиной.

Шереметьев встал, захотел уйти. Батурин был уже рядом, проговорил:

– Подожди! Граф, ты мне нужен. (Иван был крестьянским сыном и никакого отношения к дворянскому сословию не имел.)

Шереметьев показал на часы: спешу, мол, на лекции.

– Идем вместе, граф. И у меня лекции... Ты, наконец, слышал, что я работаю над диссертацией

6 «Жизнь после смерти». Осталось провести один опыт. А там – защита, мировая известность. Ты знаешь, граф, мне бы хотелось, чтобы ты присутствовал сегодня на эксперименте. Провожу опыт над хомяком. Представляешь, зверек говорит голосом бывшего преподавателя Павла Гавриловича Смычкова!

Пошли рядом. Шереметьев высокий и статный. Он походил на Смычкова. Батурин семенил рядом, для солидности помогал себе тростью, и его длиннополоая шляпа колыхалась вверх-вниз. Он был низенький и тщедушный.

– А ты, граф, похож на Смыча, – хохотнул Батурин, – как две капли. Я, предсказатель, предупреждаю: ты повторишь его судьбу... Давай-ка приходи сегодня после лекций к Эльзе Брауншвейг. Увидишь чудо: ее хомяк говорит голосом Смыча. Дух его переселился в зверька!

«Что за чушь – реинкарнация?» – подумал Шереметьев. Помнит ли он Эльзу? Конечно. И никогда не забывал ее, одно время ему казалось, что он влюбился в нее.

– Дай слово, граф, – привязался Батурин. – Мне важно знать твоё мнение...

– Хорошо, – бросил Шереметьев и пошел в свою аудиторию. Ему вдруг захотелось увидеть Эльзу.

Эльзу Брауншвейг и жалели, и любили все. Беженцы из Казахстана – отец, мать и дочь. Молоденькая, пухленькая, она скорее походила на куклу Барби. Вот и прибрал ее к рукам преподаватель Смычков. Он получал пенсию по старости. Так что

денежки у него водились. Надо отдать ему должное, лекции он читал прекрасно. Голос у него громкий, хорошо поставлен. Он очень много знал. Работал в свое время в трех посольствах. В совершенстве владел немецким и английским языками. Но в конце концов его сгубила страсть к женскому полу. Так он и оказался преподавателем истории средних веков в университете.

Эльза приняла его предложение, поскольку ей некуда было деваться. Родители ее пока не работали, ютились на квартире в частном доме. А на мизерную стипендию не проживешь. Смычков жил в семейке, имел комнату в восемнадцать квадратов. До этого у него была прекрасная трехкомнатная квартира в центре города, но он оставил ее бывшей жене и двум детям.

Вторая страсть Смыčkова – коллекционирование старинных монет и золотых украшений. Он скупал по дешевке у студентов золотые и серебряные безделушки. Все это он хранил в своем сейфе, ключ от которого всегда носил с собой.

Он любил рассматривать свои сокровища, когда Эльза спала. Он напрасно думал, что она такая уж простушка. Чуть приоткрыв глаза, она наблюдала за Смычком, который рассматривал монеты и золото перед настольной лампой. На серванте стояла клетка. В ней жил хомяк. Он был любопытный и тоже внимательно наблюдал за хозяином.

В минуты вдохновения Смыч командовал:

– Эльза, раздеваемся. Будем сегодня заниматься сексом...

Они раздевались догола. Смыч вставал на четвереньки, молодуха садилась ему на спину, и он катал ее по комнате. Позанимавшись таким образом сексом, он шел в сидячую ванну, и Эльза купала его, обмывала огромную бессильную плоть, и Смыч похрюкивал от удовольствия.

У Смыčkова стала слабеть память. Он уже не мог запомнить фамилии студентов, которые приходили к нему с зачетками, приносили золотые украшения или просили в долг под залог той или иной безделушки. Всю эту бухгалтерию стала вести Эльза. Она так вошла к Смычку в доверие, что тот передал ей ключ от сейфа, позволил принимать студентов в его отсутствие. Она брала «дары» и оплачивала их. При этом была рассудительна и скупа:

– Да что может стоить одна сережка? Ничего... Вот тебе деньги и не стони, – шипела она, – и выметайся!

Училась Эльза Брауншвейг отлично. Да и Смыч

помогал ей. Недостатка ни в чем не испытывала. Одевалась прилично да и питалась отменно. Муж ей ни в чем не отказывал. Конечно, и он чувствовал себя уверенно, когда у него был сейф, набитый золотом.

Но вот незадача: он вдруг начал быстро дряхлеть. Шамкал за столом и во время лекций, шаркал ногами. Когда он шел из университета вместе с Эльзой, все думали, что идут бабушка и правнучка.

Ему недавно с шиком отметили семьдесят лет. Перестал он заниматься литературой, чем-то вообще интересоваться. Взирает на окружающий мир с каким-то равнодушием. Бросил заниматься сексом. Эти игры были уже не для него. Последний раз он не мог самостоятельно вылезть из сидячей ванны, а у Эльзы не хватало сил, чтобы вынуть его оттуда. Пришлось ей бегать и звать студентов. Так и просидел он в ванне больше часа. Вот только хомячка и любил. Кормил его свежими булочками, поил пивом, к которому хомяк пристрастился. Так они и пили на двоих. Хомяк стал походить на толстого поросеночка.

Смыч одряхлел еще и потому, что в последнее время много пил. Любил он пиво, а водку хлестал стаканами, Эльза не успевала выносить за дверь пустую тару. Время неумолимо наступало. И лекции его стали скучные и блеклые. Он уже не выговаривал отдельные слова и фразы. А вот однажды произнес: «Насратьдамус сказал...» Он еще что-то добавил и даже не заметил, что в аудитории стоит сплошной смех. Так он сказал или нет, долго потом спорили. Словом, его уволили. Он вышел из университета, бросил в мусорный контейнер потрепанный кожаный портфель с конспектами и поплелся домой.

Он столкнулся на пороге своей квартиры со студентом Шереметьевым. А Смыч его даже не заметил. Он вошел в комнату, разделся и лег на диван. Уснул. Эльза приготовила обед (первый съел Шереметьев). Она подошла к дивану, потрясла мужа за плечо: «Смыч, вставай, поесть приготовила, вставай...»

Но муж не отзывался. Она начала его трясти сильнее, пока ее руки не почувствовали холод его тела. Она все поняла. «Умер. Что теперь делать? Как жить? – замелькали мысли... Она взяла большую сумку, открыла сейф и стала выгребать золото. – А надо ли это делать? Все мое».

– Шушка! Воровка. Шашем берешь мое золото? – послышался шепелявый голос Смыча. – Сексом давай заниматься, сексом...

Она подняла голову. В клетке на задних лапах стоял хомяк и внимательно смотрел на нее.

– Заткнись, хомячья твоя морда, – сказала Эльза и накрыла клетку тряпкой.

Она оделась и пошла в университет.

Похоронили Смычкова скромно. Были некоторые преподаватели, которые много лет с ним работали, два-три студента. Эльза была в черном одеянии, буд-то специально готовилась к дню похорон. Она располнела, была похожа на Винни-Пуха. Она подошла к Шереметьеву, шепнула: «Приходи после похорон...»

Близкие и друзья собрались в комнате Эльзы. Только выпили по сто граммов, как в комнату вошли три человека.

– Мы университетская комиссия, – объявил один из них. – Вот вам решение комиссии, – передал бумагу хозяйке. – Освобождайте комнату, а вам мы дадим место в общежитии...

Эльза даже не посмотрела на бумагу, достала свои документы: паспорт с загосовской печатью, доверенность Смычкова на владение ею комнатой и справку о беременности. Просмотрев все это, старший сказал:

– Хорошо. Живите пока... – Уходя добавил: – Ну, Смыч, силен был мужик. Успел-таки ребенка заделать.

Тут и гости стали расходиться. Она задержала Шереметьева, сказала ему: «Будем жить теперь вместе. Ребенок-то от тебя».

Шереметьев дернулся. Он не сомневался, что был у Эльзы первым. Но сильно сомневался, что ребенок от него. Он так и сказал ей.

– Вон, пошляк! – просто сказала она. – Видеть тебя больше не хочу.

Когда он шел к двери, вслед ему прозвучал голос Смыча:

– Эльза! Гони этого хмыря! Пинка ему, пинка!

Он оглянулся и увидел напряженное лицо Эльзы и хомяка, который смотрел на него сверху вниз. «Чертовщина какая-то», – мелькнула мысль, и он выскочил в коридор.

Прошло несколько лет. Все эти годы Шереметьев интересовался судьбой Эльзы. Она родила ребенка и якобы оставила его в роддоме. С отличием окончила университет. Потом она ходила по паркам и набережной, выступала с говорящим хомяком. Она зарабатывала приличные деньги, особенно в месяцы, когда был наплыв туристов.

– Помогите бедной вдове, студентке университета, – вопил хомяк. – Подайте и мне копеечку. Пива хочу, пива!

Шереметьев даже побывал на одном представле-

нии, бросил в корзинку большую купюру, но Эльза вернула ее хозяину: «Подавись...»

Она забрала хомяка, посадила в корзину и ушла. Расходились и зрители, косо посматривая на Шереметьева. Один подвыпивший верзила пробасил:

– Тебе что, гад, рыло начистить?..

И вот осень. Неожданная встреча с Батуриным. Шереметьев решил принять предложение этого чудака и побывать у Эльзы. После лекций он пришел в преподавательский корпус, в котором бывал много раз. Позвонил. Дверь открыла она сама.

– Здравствуй... Меня пригласил Батурин на эксперимент, – на всякий случай сказал он: боялся, что выгонит его в шею.

– Знаю... Проходи, – распахнула она дверь.

Эльза с годами стала еще привлекательней. Ее лицо было красивым. Светлые волосы тяжелым узлом были уложены на голове, отчего она казалась выше ростом. Пышные формы, округлые груди так и манили, так и притягивали его взгляды. Любил ли ее Шереметьев? Он не знал, но постоянно скучал по ней. Жил одиноко в такой же гостинке, в соседнем корпусе.

По комнате бегал карапуз лет пяти. Эльза что-то ему сказала. Шереметьев разобрал лишь два-три слова. Она говорила с мальчуганом по-немецки. «Ее сынишка, – подумал он, – а говорили, что оставила в роддоме. Может, ребенок жил у дедушки и бабушки? Вон как шпарит по-немецки».

Шереметьев прошел в глубь комнаты. На столе и подоконнике Батурин устанавливал приборы, датчики. Проводки от них шли к несчастному хомяку, который был опутан ими. Располневший, седой, он уныло посматривал на то, что с ним происходит.

– Ну давай, хомяк, говори, – сказал Батурин и защелкал тумблером. – Не спи... Работай!

– Пива, дай пива... шушька ты, – сказал вдруг хомяк голосом Смыча. – Сыра дай, жмот, сыра...

Батурин кинулся к своим приборам. Они светились, но на экранах ничего не было.

Он достал из портфеля бутылку пива, налил хомяку в блюдце, сунул в клетку кусок сыра. Пока он возился, к Шереметьеву на колени залез мальчуган и сказал ему в ухо:

– Папка, а почему ты мамку бросил?..

Шереметьева чуть не перекосило. Он ссадил пачана, укоризненно посмотрел на Эльзу и пошел к двери. Участвовать в этом спектакле он больше не хотел.

– Стой! – строго сказал Смыч (тут же засуетился Батурин, стал нажимать кнопки). – От своего сына отказываешься, мерзавец!

Это было слишком. Он гневно глянул на Эльзу. Ее лицо было напряжено. Халат распахнулся, и он увидел голое тело. Живот ее колыхался, две груди, как спелые дыньки, тряслись.

– Хрен однайцевый! – отрубил Смыч.

И тут Шереметьеву стало все понятно, хотя он и раньше догадывался. Он чуть ли не со смехом смотрел на суетившегося Батурина. Ну и Эльза! Заморочила всем голову. О том, что у него одно яйцо, знала только она. Когда он был маленьким, ползал по хате, наткнулся на гвоздь. Получилось заражение, потом была операция.

Шереметьев подошел к клетке. Хомяк неподвижно лежал, уткнувшись мордой в блюдце с пивом. Видно, не выдержав испытаний над ним, он просто сдох. Батурин и сам понял это, стал складывать все свои прибаамбасы в портфель.

– Извините; Эльза, извините, – пробормотал он и раскланялся. – И ты, граф...

Батурин ушел. Шереметьев спросил:

– Эльза, где ты этому научилась?

Она улыбнулась:

– От моих предков передалось. Более ста лет назад они выступали во всех театрах и цирках Европы. Тогда чревовещание было в моде.

– А как будешь жить дальше? – он кивнул надохлого хомяка.

– У меня красный диплом, сейф с золотом. Да и ты... Ведь любишь, знаю. Погляди, графчонок-то твой. Можешь на ДНК проверить. Исцарапала бы тебе всю морду, да не хочу графскую физиономию портить. Садись к столу, я тут угощение приготовила по случаю...

Он сел. Мальчуган взгромоздился ему на колени. Эльза наполнила бокалы вином:

– Вот тебе и новая жизнь после смерти Смыча... За это!

Они чокнулись. Тонко зазвенел хрусталь.

...Прошло еще какое-то время. У Эльзы Шереметьевой родился второй мальчик. Потом супруги исчезли. Поговаривают, что они уехали за границу.

г. Кемерово

